

Олег Скрынник

ШУМ, ЖЕНА И СКАТЕРТЬ

Олег Скрынник

Шум, жена и скатерть. Повесть

«Издательские решения»

Скрынник О.

Шум, жена и скатерть. Повесть / О. Скрынник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851036-6

Что мешает играть в преферанс? Каждый любитель скажет вам, что это как раз то, что вынесено в заголовок книги. Но на этот раз события разворачиваются так, что эти слова приобретают зловещий оттенок...

ISBN 978-5-44-851036-6

© Скрынник О.
© Издательские решения

Шум, жена и скатерть

Повесть

Олег Скрынник

© Олег Скрынник, 2017

ISBN 978-5-4485-1036-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жену поцелую в щёчку и отправлю баиньки. Скатерть мы просто сложим в несколько раз и бросим на спинку дивана.

А шума к этому времени уже нет, если не считать редких шорохов с отдалённой авто-страды. Значит, ничто не помешает разместиться за надёжным, ласкающе гладким столом четырёх... Нет, трём дорвавшимся до дела мужикам. Четвёртый будет сидеть на прикупе. Ему удобнее где-нибудь отдельно. За журнальным столиком. Торги слушать, лимончик резать. Коньяк наливать.

– Ого, «Мартель»! Не хило поживает наша медицина.

Роман с треском взламывает ящичек и извлекает золотистую бутылку, похожую на полу-месяц с ручкой.

– А то!

Яша с достоинством вздымает рыжую шевелюру. Достав новую, в обёртке, колоду, небрежно бросает её на стол и снимает пиджак.

– Дай-ка сюда!

Вырывает у Романа бутылку. Наливает всем на самое доньшко.

– Коньяк, чтобы вы знали, существует не для того, чтобы пить. А чтобы насладиться.

Это чистая правда. В Париже мне много раз приходилось видеть, как весёлые молодые компании, заказав по коньяку, целый вечер его нюхают, употребляя при этом вино или джин. А коньяк вылизывают лишь перед самым уходом – так сказать, на десерт.

– Хорошо, – откликаюсь я. – Будем наслаждаться.

Открываю бар-холодильник и выставляю на столик лёд, большую «Гордонс Драй», несколько полторашек тоника и внушительную менажницу с морепродуктами.

– Ух ты! – восклицает Виталий, подхватывая светящийся розовым ломтик сёмги и отправляя его прямо под пышные тёмные усы.

– Проглот, – констатирует Яша.

– Ох, и набегаемся мы сегодня в туалет, – предрекает Ромка. – Как бы «пулю» не загубить.

– Ни фиги, – говорю я. – Бегать разрешаем только прикупному. Принято?

– Единогласно, – грохочет Виталий, запивая креветку стаканом тоника.

– Кажется, я буду первым, – морщится Яша. – Ещё в дороге припёрло.

– Вот те на! Чего ж ты терпел?

– Да как-то неудобно прямо с порога...

– Беги уж!

Виталий распечатывает колоду. Привлечённые зрелищем, подгребаем к столу. Виталий перебирает карты. Откидывает шестёрки. Внимательно изучает рисунок рубашки.

– Красивые ребята!

– Особенно, конечно, дамы, – звенит Роман, расчерчивая «конвертик».

– Тузы тоже ничего, – Виталий поднимает голову. – Правда, Игорь?

– Нет, – отвечаю я. – Семёрки. Только семёрки. Предпочитаю мизера.

– Губа не дура.

Аккуратно, за краешки, беру новенькие шестёрки и кладу на камин. На столе не должно быть ничего лишнего. Роман заканчивает свои художества, встаёт из-за стола и наливает пол-стакана джина.

– Ты, что ли, пить сюда пришёл? – набрасывается на него Виталий и, отобрав стакан, мигом его осушает.

– Паршивец! – Роман шлёпает Виталия по шее и наливает себе ещё.

– Проглот! – отвечает тот, вылавливая из менажницы шейку омара.

Наблюдать за ними одно удовольствие.

– Не кричи. Ирку разбудишь, – урезонивает его Роман. – И тогда вся «пуля» псу под хвост.

– Не бойсь, – успокаиваю я. – Она уже всю дрыхнет.

Вечер за окнами быстро оформляется в ночь. Пасмурный, неприветливый поздний октябрь. И днём-то света как следует не было.

Задёргиваю шторы.

– Кстати, что у тебя с дворовым освещением?

– А, – машу я рукой. – Похоже, лампочка накрылась. Перед самым вашим приездом.

Завтра позову электрика.

– А самому сменить было слабо?

– Конечно, слабо. Я по столбам лазить не умею.

– Говорил я ему, – ябедничает Виталий. – Повесь ещё один фонарь, над дверью.

– Нечего делать. Электричество экономить надо.

– Во жлоб, – кивает Ромка. – Всю жизнь такой. Бывало, в студентах карандаша у него не допросишься.

– И правильно, – бурчу ему в ответ. – Свой надо иметь.

– «Сво-ой»!

Он ополаскивает руки в большой фаянсовой посудине и тщательно вытирает их полотенцем.

– Ты не больно-то там с полотенцем, – подыгрываю я своим оболтусам. – Дырку протрёшь. А за него деньги плачены.

Убедившись, что руки чистые и сухие, Роман вынимает из жилетного кармана шикарный перстень с сердоликом и аккуратно надевает на средний палец левой руки. Он очень дорожит этим перстнем. Так же, как, наверное, Кощей дорожил своим ларцем, где сидела утка, в которой было яйцо, содержащее иголку, на кончике которой помещалась его жизнь.

Виталий усаживается за стол и начинает барабанить по нему пальцами.

– Ну он там что, верёвку проглотил?

– Давайте начинать.

– А место?

– Да кому оно нужно, его место! Я сдам за него.

Роман принимается тасовать. Оба деликатно помалкивают. Ждут решение от хозяина.

– Ну что ж, – вздыхаю я. – Как скажет стая.

Наверное, напрасно я озвучил своё пристрастие к семёркам. Услышав это, невидимые пакостники, всегда тусующиеся там, где идёт игра, начинают подбрасывать мне такую карту, что всё время приходится пасовать. Поэтому появление Яшки с довольной физиономией действует на меня раздражающе.

– С облегчением! – с присущей ему бесцеремонностью восклицает Виталий.

Яшка осушает полный стакан тоника и присаживается за стол вместо меня. У меня пересыхает в горле, но я почему-то терплю. Со мной бывает: чего-нибудь хочу, даже очень хочу, а позволить себе – шалишь! Сидит во мне какой-то маленький внутренний садист. И ничего

не могу с ним сделать. Потому что обосновался он очень и очень давно. Не исключено, что ещё до моего рождения... А вам такое знакомо?

– Десять без козыря! – нахально объявляет Яшка. Сегодня определённо его день.

Очень хочется долбануть стакан яшкиного дорогого, но садист опять хватается меня за руку. Я ухожу от соблазна в полутёмный угол и включаю когда-то сконструированный и собственноручно изготовленный мною мобил. Льётся тихая музыка. В миниатюрном средневековом замке без видимой закономерности то освещаются, то темнеют узкие окна-бойницы. По стенам прохаживаются стражники в тускло отсвечивающих доспехах. Тихонько плещет вода. Как будто нехотя ворочается мельничное колесо. Поднимаются ворота, через ров с водой на цепях опускается мостик. Из замка выезжает золочёная карета и направляется по узкой дороге, скрываясь за холмами, покрытыми лесом, чтобы через некоторое время появиться с противоположной стороны.

– Прикольная у тебя штука, – не отрываясь от игры, замечает Ромка. – Главное, своими руками сгондобил. Молодец!

– Мог и сам бы постараться, – отвечаю ему, наблюдая, как крохотная сова с горящими глазками перелетает с башенки на башенку. – Один вуз заканчивали.

Мы с ним по точной механике – специальность, которая в этой стране сегодня не просто никому не нужна, а не нужна решительно и категорически.

– Не-эт, – тянет приятель. – Я по крупным механизмам. Чтобы самому кататься.

Он процветает в своём автосервисе, занимаясь перетаскиванием с одного автомобиля на другой запчастей, которые без зазрения совести выдаёт за новые. Впрочем, этим уже занимаются его работники. А он лишь подсчитывает барыши... Хотя нет. Это для него тоже делают уже другие – счетоводы и бухгалтера. А он лишь кивает: мол, всё в порядке. Целыми днями только и делает, что кивает. Шейные мускулы накачивает. Вон, шея уже почти с голову диаметром.

– Ну ты, механизм, – обрывает его Виталий. – Ты будешь вистовать?

Со мной дело ещё хуже. Я от техники вообще отошёл. Так, торгую чем придётся. Веду жизнь обеспеченную и беззаботную. А голова тоску-ует! И руки ноют. Им дела хочется. Настоящего, красивого дела. Вот, гляжу на этот мобил – одно отдохновение. Напоминание, каким способным я когда-то был. И одновременно укор. Намёк на то, каким я мог бы стать. Чего ещё мог бы натворить на земле, не приди это проклятое торгашеское время. А может, дело не во времени, а в нас? Не слишком ли легко мы на всё это повелись? Нас пальчиком помянули – мы и ра-ады...

– Милостивый государь! Ждём-с, – улыбается Роман, отчего шрам под его правым глазом становится резче.

– Пас, разумеется, – пожимаю я плечами.

Всё идёт, как предсказал Роман. Теперь в туалете обосновался Виталий. Кажется, я даже слышу, как он кряхтит и вздыхает. Ерунда, конечно. Отсюда вряд ли что услышишь: далековато. Это воображение дурное разыгралось... Грузный, краснорожий Виталий. Бывший вояка. Тоже жертва нежданного капитализма. Защищал-защищал Родину, пока пендала под зад не ворвали. Хотя... Не думаю, чтоб именно он кого-то защищал. Сидел, небось, в каком-нибудь штабе, бумаги перекладывал. Большие бумажки в большую папку, маленькие – в маленькую. Днём сплетни, шашни с какими-нибудь связистками. Вечером – пьянство. На роже-то, вон, всё написано. Рожу, брат, не обманешь. Теперь тоже торгаш, вроде меня. Какие-то ломы, кирки, кувалды в Китай продаёт. Вагонами тащит. Интересно, зачем они им в таком количестве? Стену свою, что ли, наконец достроить решили?

За окном слышится отдалённый взрыв и следом за ним нечто напоминающее шипенье гранат, хлопанье мин и пулемётный треск. Сдвигаю штору, и все видят расцветающие в чёрном небе звёзды, диски, шары и веера из разноцветных огней.

– Вот это да, – бубнит Яшка, на поднимая головы. – Красотища.

Он всегда говорит так, что не поймёшь, взаправду или дурака валяет. Думаю, что у медиков это в крови – наводить тень на плетень.

– И что сегодня за праздник? – интересуется Роман.

– День рождения у кого-нибудь, – объясняет подошедший Виталий. – Тут, в посёлке, постоянно что-нибудь празднуют. День рождения, свадьба... Сейчас редкая пьянка обходится без фейерверка. А вам удивительно? Вы просто не попадали.

– И где это пуляют?

– Обычно во-он там, на Круглом озере. И красиво, и безопасно: строений по соседству никаких.

Действительно, огни фейерверка освещают кроны высоких деревьев, обрамляющих наше Круглое.

– Всех карасей перепугают, – замечает Яша. – Фейерверка не видели что ли? Пойдём играть.

– Я сейчас! —воскликает спешно Роман и отправляется по хорошо известному маршруту.

– Ну вот, ещё один! – недовольно бурчит Виталий и оборачивается ко мне. – После него, конечно, ты побежишь?

– Да вроде не собираюсь, – отвечаю я кротко.

– У него вместо пузыря полиэтиленовый мешок, – вставляет Яшка.

– Да ла-адно! – тянет Виталий, притворяясь, что принимает яшкин трёп за чистую монету.

– Чего «ла-адно»? Я сам ему пришивал.

– Что за мешок? Какой-то специальный?

– Обычный мешок, – пожимает плечом Яков. – С рекламой «Магнита».

– Ща как дам «Магнита»! – не выдерживаю я, и два оболтуса корчатся в приглушённом хохоте. Под шумок Яшка развёртывает и внимательно изучает карты Романа. Виталий смотрит ему через плечо.

– Нехорошо-о! – говорю я, пристраиваясь у другого плеча.

– Всё хорошо, – отрезает солдафон Виталий. – Пускай держит карты поближе к орденам.

Он мальчик, что ли?

Действительно. Мог бы сложить да сунуть в карман, идя в туалет. Не в «дурака» играем!

– Кстати, док, – обращается Виталий к Яшке, вливая джин в стакан со льдом. – Не подскажете ли, чей это красавец «шестисотый» поблёскивает во дворе у этого типа? – Он кивает на меня.

– Наверно, этого самого типа, – равнодушно отзывается Яшка.

– «Форд» этого типа я знаю как облупленный. Так же, как «Пежо» вон того. – он склоняет голову в сторону туалета.

Яшка поднимает подбородок.

– Ну, тогда получается, что мой.

– Да-а! – присвистывает Виталий. – «А где мне взять такую тещу»!

– При чём тут «тёща»? Я и сам неплохо зарабатываю.

– Будя гнать-то. «Зараба-атываю»! На это тоже? И на это?

Он тычет жирным пальцем наугад, попадая в швейцарские часы и золотое кольцо с бриллиантами, посылающими во все углы разноцветные сполохи.

– Ты что, знаешь о моих доходах? – пылит Яков.

– А чего мне знать! – гремит Виталий. – Как будто свояк у меня не врач, кандидат наук, и будто не держит он такую же клинику, как твоя, в Самаре.

– Да чего ты, Яша, – вступает подошедший Роман. – Ты же сам хвалился, что Стелла твоя получила хорошее наследство. Мы ж его все вместе обмывали. Мы помним, а ты, значит, забыл? Ты же клинику открыл когда? Именно когда это случилось. А иначе на какие шиши ты бы её открыл?

– Ну-у, у меня были сбережения... – уклончиво отвечает Яша.

– Перестань, – машет на него Ромка. – Знаем мы твои сбережения. Все наши сбережения в один миг прикончили. Сначала Павлов, а потом, что осталось, – Гайдар.

– Действительно, – подключаюсь я. – Вот послушай лучше, что я про тебя только что сочинил.

На пятёрки не учись

И не лопай кашу,

А однажды изловчись —

И женись как Яша.

– Во! – хохочет Виталий. – Вот это правильно.

– Тс-с! – шикаю я на него. – жену разбудишь. Моя хоть и не такая крутая, как Стелла, но если не ко времени разбудить, разозлится и весь кайф нам сломать очень даже может.

– И ещё: если мы хотим развезаться на своих машинах, то с этой минуты пить прекращаем, – замечает Роман.

– Отлично! – вторит ему Виталий и подмигивает мне. – Нам больше достанется.

Из нашей компании Яков – единственный, кому удалось не изменить своей профессии. Зато, видимо, в качестве платы за это, он разительно изменился сам. В классе не было мальчика проще и покладистей. Открытая улыбка, золотистые глаза, постоянная готовность подсказать, помочь. А главное – слушать. Как я завидовал его умению слушать! Во мне тогда бушевали... Ну, может быть, не бесы, но определённо чертенята. Они заставляли вгрызаться в каждый разговор – спорить, перебивать и высмеивать, и лезть куда не просят со своими суждениями и выводами. И лишь когда я уже чувствовал себя высохшим как вчерашняя селёдка, я замечал Якова. Он всё время находился поблизости и не мигая впитывал всё, что мы расточали вокруг. Казалось, он делал это не только ушами, но и кожей, и ногтями, и всем остальным. Он был единственный, кто оставался в выигрыше. И я давал себе клятву научиться быть как он... И держался лишь до того, как в нашем бурном классе вспыхивала очередная дискуссия.

Но не прошло и двух месяцев после его поступления в медицинский, как вместо чуткого, отзывчивого Яши пред наши изумлённые очи предстал законченный циник и сноб. Он пришел к джинсам болгарского производства коричневые дерматиновые манжеты, начал вслух говорить о себе: «Я – нигилист!» и в дело и не в дело восклицать: «Fortuna non penis!» Девчонкам – бывшим одноклассницам – подробно разъяснял, как вести себя при первом сексе, и предлагал, в случае чего, свои услуги по восстановлению невзначай утраченной девственности. При этом всегда произносил поговорку «Плева – дело плёвое», которую, скорее всего, сам и сочинил.

Не дав нам передохнуть, он моментально пошёл дальше. Повадился приходить с гитарой и под её жестяное дребезжанье исполнять самодельные песни с рефренами в виде поговорок, подобных приведенной выше. Утвердившись таким образом в собственных глазах как властитель наших тел и законодатель вкусов, он стал расширять сферу влияния на остальные стороны жизни. Саше Прудникову, студенту литинститута, заявил, что литература и искусство – это суррогат научных знаний, и что искусство всегда тащится позади реальных процессов. Будущим экономистам в два счёта показал, что они ни бельмеса не смыслят в политэкономии, инженерам – что их расчётные методики никуда не годятся – при этом не издержав ни единого аргумента. А Таню Шабашову, студентку философского факультета, нейтрализовал одной фразой: «Не-ет, Шабашик, ты девка субъективная». После чего авторитетно заявил, что академика, преподающего ей диалектику, необходимо срочно обследовать у Сербского.

К моменту этой метаморфозы наши ребята и девочки были заметно взрослее, чем в школе, и вступать в дискуссии уже не спешили. Вместо этого они стали перетекать в другие компании. Селивёрстова и Мамотенко, студенты музыкального вуза, стали первыми, проделав это сразу после жёсткого эксперимента с гитарой. Кончилось тем, что наши сходки развалились. По инерции я продолжал общаться с Яшкой, которому импонировало, что я – когда-то самый оголтелый спорщик класса – не пытаюсь противостоять его самоутверждению. Что касается Романа, то он, не зная прежнего Яшку, мог без особого стресса воспринимать его таким, какой уж есть.

А тут явился преферанс. Ему нас научил дипломник, временно поселившийся в моей комнате. Яшка приходил из своего общежития, и мы частенько засиживались до утра. Преферанс хорош тем, что ему мешает шум. Должно быть, благодаря этому яшкины разглагольствования потихоньку сошли на нет. «Пуле», как известно, мешает ещё кое-что. Но мы играли за покрытым пластиком общежитьевским столом, который с рождения не знал, что такое скатерть. А жён у нас в те времена не было и в проекте. Позже, когда в моём доме завелась Ирка, мы нет-нет, да и обращались к Якову с её здоровьем. Тогда и выяснилось, что кроме нигилизма в медвузе преподавали-таки и другие предметы. И, кажется, неплохо.

Дипломник защитился и съехал. Вместо него поселился первокурсник Филя. Учиться игре он не хотел, но не отказывался, когда ему предлагали посидеть за «болвана». Так незаметно завершилось высшее образование. За окном шли разные времена. Нехорошие и плохие, гадкие и совсем отвратительные. Неизменным оставалось одно: «пуля». Мы стали играть втроём и уже как будто привыкли, когда Роману втемяшилось пойти в армию. Не слушая ничьих уговоров, он напялил камуфляж и отправился напрямик в Чечню. Яшка нашёл двух знакомых докторов, и мы с горем пополам игру возобновили. Приходилось ли вам быть в компании людей, которые привыкли смотреть на каждого окружающего как на пациента? На протяжении всех этих встреч я чувствовал себя то распластанной лягушкой, то препаратом, пристроенным под микроскоп, то дезертиром, проходящим медицинскую комиссию. К тому же они играли «ленинградку», и приходилось подстраиваться. Ведь наверняка прекрасно знали и «сочинку», но играли «ленинградку», чтобы повыпендриваться и подчеркнуть свою исключительность. Когда же в тет-а-тетном разговоре я аккуратно выразил Якову своё недовольство, он заявил: «Ты поосторожней с этими ребятами. С медиками лучше вообще не конфликтовать. Или капнут, или кольнут не туда. Или в сигаретку чего-нибудь всунут... Смотри!» Прозвучало довольно круто даже для такого засранца, как новый Яшка, и я промолчал. Слава Создателю, эта компания просуществовала недолго. Не было бы счастья, да несчастье помогло: Роман демобилизовался по ранению и занял своё законное наигранное место. Он и притащил с собой нового знакомца – Виталия, который, как оказалось, к тому же и живёт совсем рядом – через пару домов от меня. Тоже не подарок: приходится терпеть его закалённую военной службой неотёсанность, но на мой взгляд, она всё-таки приятней профессорского снобизма.

Квадраты окон светлеют. Начавшийся с ночи дождь напитал землю и траву, и кусты с ещё не облетевшими мелкими листьями. Игра закончилась. У меня выросла порядочная «гора». Для настроения наливаю полстакана джина. Виталий встаёт, разминает затекшие ноги и следует моему примеру. Зажиточный Роман и победитель Яша смотрят на нас с нескрываемой завистью.

– А не затопить ли каминчик? – Яша выкладывает из корзины поленья и поливает их жидкостью для растопки.

– Сочувствую. С утра – и за руль, – подмигивает мне Виталий, наливая ещё джина.

Ромка смотрит в окно, потом на часы.

– Сейчас любезная хозяйка дома угостит нас традиционным утренним кофе.

– Да-а, не мешало бы горяченького, – потирает руки Виталий и подходит поближе к огню. Все машинально затихают и прислушиваются. С кухни не доносится ни звука.

– Спит.
– Не удивительно. В такое утро и я бы... – Виталий с хрустом потягивается.
– Однако, мне уже пора, – говорит Яков, одёргивая пиджак.
– Ладно, – останавливаю я его. – Пятнадцать минут тебе погоды не сделают. Пойдём будить. Нечего ей дрыхнуть!

С заговорщическим видом, на цыпочках движемся по коридору. У двери замираем и по моей команде вкрадчиво и нараспев:

– И-и-ира-а-а!

Потом громче:

– И-И-и-ира-а-А!

Приоткрываю дверь. Ирка под одеялом. На тёмно-синей подушке белеет её тонкое лицо.

– Тс-с!

Неслышно иду по ковру, сдерживая дыхание. Засовываю руку под одеяло, чтобы коснуться торчащего холмика колена, и ощущаю каменный холод.

Наверно, я всё-таки кричал, потому что вся компания стоит тут, на ковре, выстроившись полукругом.

– Надо в «скорую», – говорю я.

– Уже, – отвечает Виталий. – И в полицию.

– Уйдёте отсюда, – предлагает Роман.

– А вдруг... Что-нибудь понадобится?

Не узнаю свой голос. Яков качает головой.

– Ей уже не понадобится ничего.

– Ты уверен?

– Сто процентов.

Его лицо становится серым и водянистым.

Угли в камине светятся малиновым. Каждый берёт свой стул и почему-то прежде, чем сесть, относит его подальше от стола с картами.

– Такая молодая... Она чем-то болела?

Роман вопросительно смотрит то на меня, то на Яшу. Яша недоумённо пожимает плечами.

– Мигрени, цистит. Простудные... Ничего серьёзного.

– А сердце?

– Прихватывало пару раз, – отвечаю я. – Но проходило.

– Мне никто не жаловался, – вступает Яша.

– Да не придавали значения. Вот и не жаловались.

Яков смотрит на часы.

– Ох, я уже всюду опаздываю.

– Сиди уж! – останавливает его Виталий. – Позвони, куда тебе там, и сиди. Мало ли что!

За воротами взвизгивают тормоза.

– Я открою, – вызывается Ромка.

Пусть откроет.

Пожилая докторша пишет что-то, устроившись у краешка туалетного столика.

– Вы родственник?

– Я муж.

Она печально поводит головой.

– Медицина бессильна.

– Но в чём дело? Что случилось?

– Всё покажет вскрытие.

– А будет вскрытие?

– Ну, конечно! – раздражённо говорит она. – Как вы хотите? Такая молодая женщина...
Входит белобрысый мальчик в милицейской форме.

– Младший лейтенант Клячко. Участковый инспектор.

Докторша глядит на меня.

– Я вас попрошу... На минутку. Мне надо поговорить с лейтенантом.

Они уже тут распоряжаются. Но мне почему-то всё равно. Бреду в гостиную, спотыкаясь о непослушные коврики. Кто бы их убрал!

Младший лейтенант проходит к столу и кладёт на него свою папку, с миной осуждения отодвинув разбросанные карты.

– Попрошу всех присутствующих назвать адреса и фамилии. А также предъявить документы.

Покончив с процедурой, занимает позицию в дверном проёме.

– Попрошу всех не покидать помещение до приезда следователя.

– Ого! – присвистнул Виталий. – Ещё и следователь будет?

– Послушай, командир, – заговаривает Роман. – Нечего нас тут сторожить как малолеток-беспризорников. Сядь, вон, как человек, и сиди. Никто никуда не денется. А я пойду... Чайку, что ли, сделаю?

– Нет! – повышает голос участковый. – Только с разрешения следователя.

– Суров ты, брат, – качает головой Виталий. – А если в туалет?

Приезд районного следователя Геннадия Паршукова не вносит комфорта. Вместе с ним прибывает банда мужиков, ведущих себя самым бесцеремонным образом. Они пачкают всем нам руки, снимая отпечатки, затем начинают делать то же с разными предметами.

– Они подозревают убийство? – спрашивает Роман у всех нас, но мы не готовы ему ответить. Яшка подходит к сыщикам, предлагая услуги медика, но никто в них не нуждается, и его водворяют на место.

Паршуков устраивается в моём кабинете и начинает по очереди дёргать нас туда. Возвратясь, каждый молча занимает своё место и старается не глядеть на других.

Последним захожу я. Следователь, сцепив руки в замок за спиной, внимательно смотрит в окно. У него длинные, «музыкальные» пальцы. Он высок, тонок и прям. Аккуратист, наверное. Возможно, даже педант.

Дождь прошёл. Нахальный ветер шевелит траву, пытаясь её просушить. Человек в камуфляже замешивает что-то в резиновой чашке. Гипс? В стороне от дорожки видны два следа. Он аккуратно вливает смесь. Дождь был косой и мелкий. Вероятно, поэтому следы не размыло. Носками они смотрят в сторону окна спальни. Иркиной спальни.

Паршуков занимает место за столом и указывает мне на стул напротив. Что-то пишет, не поднимая на меня головы. Красивая прядь свешивается к виску.

Положение гостя в своём доме непривычно и неприятно.

– Вы подозреваете убийство?

Он покачивает головой то ли мне, то ли своим мыслям.

– Но как это... Какая причина?

Ярко-голубые глаза мужчины спорят с чёрными волосами.

– Фамилия? – говорит он.

Пытаюсь объяснить, что я хозяин дома, но вместо этого приходится говорить имя, отчество, год рождения...

– Как вы расстались с покойной?

Господи, «как расстались». Да как обычно: поцеловал в щёчку и отправил спать.

– Значит, вы видели её последним?

Мы все видели её последними. К тому моменту компания была уже в сборе. Разве опрошенные не сказали ему об этом?

– Сколько раз вы отлучались из гостиной и когда?

Да ёлы-палы! Уж это-то ему наверняка должны были сообщить.

– Я вообще не отлучался. Я вышел из гостиной только утром, вместе со всеми. Мы пошли будить жену...

Кажется, мой голос дрогнул.

– И не отлучались всю ночь? – Он смотрит с насмешливым недоверием.

– Нет.

– Даже в туалет не ходили?

– Не ходил.

– Как же вы терпели?

Кто ж его знает, как я терпел.

– После джина с тоником?

Он и это занёс в протокол. Интересно...

– А я не пил.

Он красноречиво тянет носом.

– Я выпил только утром. Стало зябко.

– Хорошо. А кто выходил, в какой последовательности?

– Я за ними не следил. Первым вышел, кажется, Яша...

– Яков Щербицкий?

– Да. Потом... Уже не припомню, Виталий или Рома. Всё-таки, наверно, Виталий. Точно, Виталий.

– Кожаев?

– Ну да. А потом, значит, Ромка... Роман Камбулин.

– И всё? По второму разу никто не отлучался?

– Товарищ следователь. Я вообще-то следил за игрой. Мог и не заметить, где находится прикупной и что он делает.

– Ладно. А в какое время они выходили?

– Ну-у, этого вам, наверно, никто не скажет. Кто же следит за часами, играя в преферанс!

– Не знаю, – он брезгливо морщится. – Но хотя бы примерно...

– Все хождения начались, когда было уже темно.

– Темно... Кстати, что у вас с дворовым освещением?

– Вам и это известно? Полетела лампочка.

– Когда это случилось?

– Перед самым приездом ребят.

– А как вы могли это узнать, если они приехали засветло?

– У меня сумеречный выключатель. Он включает освещение немного раньше, чем наступает настоящая темнота.

– А когда был фейерверк?

– Примерно около полуночи.

– И кто его запускал?

– Откуда я могу знать! Посёлок большой. То и дело кто-нибудь что-нибудь празднует.

Он задумчиво стучит своими музыкальными пальцами по столешнице.

– У вас один туалет?

– Нет, три. Один в доме, другой в бане и ещё третий. В гараже. На случай, если припечёт в машине, по дороге домой.

Изображаю улыбку. Она получается жалкой.

– Значит, не выходя из дома, можно попасть только в один?

- Значит, так.
- И в него только одна дорога. Мимо спальни вашей жены.
- Из гостиной да.
- А откуда ещё?
- Из кухни мимо моей спальни. Из прихожей мимо кабинета.
- Ваши друзья ходили именно в этот туалет?
- Скорее всего да. Что за радость выбегать на холод, когда можно без этого обойтись!

К тому же часов, может, с двух-трёх постоянно шёл дождь. Да и света во дворе, как вы уже знаете, нет. Тьма кромешная.

- Хорошо. У вашей жены был сейф?

«Был»? Сейф и сейчас есть. Это у сейфа была моя жена... Тьфу, чушь какая-то в голову лезет.

- Да.
- А у вас?
- В доме нет. Все нужные бумаги я держу в офисе.
- Она вела какие-то свои дела?
- Вряд ли. Она хранила там некоторые вещи. И бумаги своего покойного отца. Её отец Агишев. Константин Агишев.

Он аккуратно записывает фамилию в свой блокнот. Вот тебе и на. Не более пяти лет, как покинул этот мир крупный юрист Константин Петрович Агишев... Вот так живи, тянись. А пройдёт несколько лет – и даже коллеги тебя уже не помнят.

- Вы знаете, где она держала ключ?
- За зеркалом. Там есть маленький такой тайничок.
- Вы нам его покажете?
- Конечно. Это очень просто.
- У неё были от вас секреты?
- Н-нет... Думаю, что нет.
- Тогда почему она держала сейф в своей спальне, а не в кабинете?

Так получилось. Несколько лет назад мы делали в кабинете ремонт и временно перенесли сейф в иркину спальню. А потом увидели, что он неплохо вписался в нишу, за портьерами, и решили там его и оставить.

- Повторяю, мне он был не нужен. Только место в кабинете занимать!
- Хорошо.

Паршуков роется в своём чемоданчике, извлекает из него небольшой пластиковый пакет и кладёт передо мной.

- Вы можете пояснить, что это такое?

На мне его напряжённый взгляд. Он давит повыше лба. На уровне затылка.

- Полагаю, что шприц, – поднимаю я голову.
- Что вы можете добавить?
- А что, по-вашему, я должен к этому добавить? Ну, шприц... Вы позволите?

Беру пакетик за уголок и подношу ближе к лицу.

- Одноразовый.
- Как вы можете пояснить его наличие в вашем доме?
- Очень просто. Ирине могли делать укол, это иногда случалось. Тот же Яша... Мы пару раз обращались к нему. Он ведь врач, если вы ещё не знаете.
- Я знаю. Давно вы обращались к нему в последний раз?
- Весной или летом... Помнится, было ещё тепло.
- А этим шприцем пользовались совсем недавно. Не исключено, что сегодня ночью.
- Да-а? И где же вы его нашли?

– Вот именно. Где мы его нашли?

– Вы меня спрашиваете?

Выдержав паузу, он внушительно объявляет:

– Мы нашли его в кармане вашего пальто.

На приставном столике в моём кабинете стоит графин божественного стекла, который я каждый день собственноручно наполняю свежей водой. Обычно перед тем, как наполнить, мне приходится выливать вчерашнюю воду, потому что пользуюсь графином крайне редко.

Сейчас я не заметил, как осушил два стакана подряд.

– Как... Он туда попал?

– Я полагаю, что вы лучше других должны знать, как вещи попадают в карманы в а ш е г о пальто.

– Я тоже так полагаю... Но в данном случае не имею ни малейшего понятия. Может, кто-нибудь... ошибся карманом? Ведь прихожая освещена не так уж ярко. А, кстати, это вообще важно? Этот... Шприц. Имеет какое-то отношение?..

Он смотрит на меня, как ему кажется, пронизывающим следовательским взглядом.

– Есть. Основания. Считать. Что имеет.

Распорядиться похоронами взялся Виталий. Пожалуй, никто не может справиться с этим лучше, чем военный... Нет-нет, я совсем далёк от иронии. Разве можно испытывать к человеку, берущему на себя такую миссию, что-либо кроме чувства глубокой благодарности.

Несмотря на то, что сразу после замужества Ирка уволилась из своей газетёнки, проводить её пришли несколько человек во главе с зам. главного редактора. И группа студентов-однокашников, неизвестно откуда узнавшая о скорбном событии, явилась почти в полном составе. В ночь перед похоронами лил дождь вперемежку со снегом, а с утра основательно подморозило. Подошвы присутствующих скользят, отчего прощаться на краю могилы небезопасно. Мужчины поддерживают под руки женщин, а их самих подстраховывают знакомые и незнакомые, образовывая цепочки. Размятые комья земли пачкают ладони, и назначенные Виталием молодые люди с белыми повязками поливают желающим из пластиковых бутылок и предлагают вафельные полотенца.

Иркиной могилой начинается новый квартал, и за ней тянется грязная всхолмленная долина, отороченная чахлой лесопосадкой. Если посмотреть в другую сторону, то взгляд наткнется на хаос крестов и обелисков, над которым возвышаются редкие могучие деревья. На отдалении маячит тёмный силуэт. Скульптура? Приглядываюсь повнимательней, и начинает казаться, что она движется. Да. Она словно покачивается из стороны в сторону. На таком расстоянии это выглядит как в замедленном кино. Теперь чётко видно, как у неё поднимается рука, в которой продолговатый предмет, похожий на бутылку. Рука с предметом приближается к лицу, будто человек пьёт. Долго. Очень долго... В крохотную щель между туч на секунду прорывается луч солнца, и предмет в руке незнакомца вспыхивает и гаснет.

Это не бутылка. Кто-то наблюдает за нами через подзорную трубу.

Мы снова вчетвером за одним столиком. Стелле срочно понадобилось навестить больного отчима, а ромкину Татьяну не отпустили с работы, мотивируя тем, что покойная не является её родственницей. Что касается супруги Виталия, то я даже не поручусь, узнал бы её, столкнусь где-нибудь на улице. Когда мы собираемся у него, она к нам не выходит.

В тёмно-серых физиономиях приятелей читается не то скорбь, не то страх.

– Что-нибудь стало известно о причине смерти? – нарушает молчание Виталий.

– Отравление, – отвечаю я.

Ложка вываливается из рук Романа. Но все сидят не шелохнувшись, словно не слыша звона. Какие мысли ворочаются в черепе каждого из них? А какие в моём?

Протокол вскрытия, с которым вчера меня ознакомили, несколько удивил. Отравление? И чем же? Бородатый парень прочёл название яда, которое тут же выпало у меня из головы. Затем пошли понятные только ему термины с отдельными человеческими словами, из которых в моей башке так и не сложилось никакой картины. А дальше? – поинтересовался я, когда он сделал паузу. – Что «дальше»? – Ну, там... – Где? – Он, кажется, издевался надо мной. – Там! – указал я, раздражаясь. – А там всё. – Он уложил бумагу в папку. – Конеч. – Как конеч? – Так. Конеч, – усмехнулся он.

Значит, яд введён посредством инъекции в шею. Предполагают, что с помощью того самого шприца. Но ведь шприц найден в моём кармане. Почему же меня не арестовали? На последнем допросе следователь вообще о нём не упоминал. Спрашивал о каких-то совсем посторонних вещах. Об отношениях между нами – партнёрами по преферансу. Между нашими жёнами. Об этом иркином сейфе. Не теряли ли мы когда-нибудь от него ключей. Не пытались ли открыть самодельными. Даже поинтересовался, когда у меня был последний половой акт с Ириной, – видимо, уже из чисто мужского любопытства... Этот допрос вообще оставил странное впечатление. Слово тебя водят за нос. Мне казалось, что всё время он ходит вокруг чего-то, во что не собирается меня посвящать. Вместо этого – в который уже раз – он спросил, не подозреваю ли я кого-нибудь из моих гостей, и подробно записал мои многократно повторенные ответы. Подозреваю ли я? В чём? В скрытом психическом заболевании? Как будто нет. Хотя я, конечно, не доктор. Но представить себе, что кто-то из них в здравом уме проникает в спальню и травит мою жену... Извините.

Но ведь Ирина убита... Убита? Тут нет никакой ошибки?

Разумеется, пытаться выудить у сыщика то, что он не хочет говорить, – дело в высшей степени безнадёжное. Для него соврать – что высморкаться. Но похоже, что здесь он действительно уверен на все сто пятьдесят. «Но почему обязательно мои гости?» – «А кто? Может, признаетесь, что это вы?» – «Но ведь за домом вы нашли какие-то следы!» – «Да-а, следы-ы!» Он хмыкает и издевательски дёргает головой. Чёрт побери, он ведёт себя как человек, которому известно всё. Разумеется, это у них профессиональное. Но я никогда не подозревал, что это может так раздражать.

Яшка с Романом снова за рулём, так что водку пьём только я и Виталий, и это не способствует поддержанию разговора. После поминок Виталий принимает предложение Романа подвезти, а я отказываюсь и остаюсь в одиночестве. Зам. главного редактора, среднего роста субъект с седоватой бородкой, в гардеробе дарит мне визитную карточку и заверения в том, что будет рад исполнить любую (подразумевается, что разумную) просьбу «близких Ирины Константиновны». От одноклассников пухленькая, но подвижная коротышка, назвавшаяся Полиной, поднесла грустную ободряющую улыбку и узкий конверт без марок.

На белом тротуаре тёплые подошвы печатают чёрные следы. На свадьбе она была в ослепительно белых туфлях. Я хотел, чтобы её в них и положили, но мне ответили, что «не налазят», и туфли достались кому-то из них. На второй день она захотела быть в красных туфлях и чёрном платье с мантильей. Я сказал: «Тогда мне следует быть в белом костюме?» Красная роза с этого платья долго висела над зеркалом в гардеробной. А какой цветок был в петлице у меня?.. В первый день – белый, но я был в чёрном костюме. А во второй... По логике, должен был быть чёрный. Неужели чёрный?

Красный свет автоматически останавливает меня. Мимо проезжает блестящая чёрная машина. Её стёкла затонированы, но не настолько, чтобы не видеть, как человек на заднем сиденье, обернувшись, указывает пальцем в тёмной перчатке... Боже, да ведь он указывает на меня! Вглядываюсь в медленно удаляющееся заднее стекло. Палец метит прямо в мой лоб. Кажется, я даже вижу, как шевелятся губы этого человека. Он что-то говорит тому, кто сидит за рулём. Что же такое он может говорить?.. Она много-много говорила мне в первую ночь. Это

было как пение соловья: не важно, что он поёт, лишь бы не заканчивал как можно дольше. Она говорила и стонала, и снова говорила. Пила шампанское мелкими глотками и продолжала говорить. Уходила в туалет, и её голос сливался со звоном её струи, шипеньем биде, свистом стеклянных пробок от парфюмерии. Он звенел колокольчиками в хрустальных люстрах, поскрипывал в пружинах кровати, шуршал веткой по оконной раме... Никогда потом она не говорила так, как в ту ночь. Так много и сладко.

Мальчишка в форме «Макдональдс» пробежал к автофургону, чуть не отдавив мне ноги. Останавливаюсь... Почему о н не был на похоронах? Пищу кнопками мобильного. Прохожие обтекают меня справа и слева. Неправильно. Сбрасываю и набираю снова.

– Паршуков слушает.

– Здравствуйте.

Молчание.

– Сегодня были похороны Ирины.

Молчание.

– Похороны моей жены.

Он приносит соболезнования.

– Это правда, что убийца всегда присутствует на похоронах?

Молчание.

– Почему же вы не явились на похороны? Ведь был верный шанс увидеть убийцу.

Он откашливается.

– Я заслуженный работник юстиции. Поверьте, что я знаю, как мне следует действовать.

– Ну, допустим. А вы знаете, что за нами наблюдали через подзорную трубу?

Молчание.

– И ещё: вот только сейчас мужчина указывал на меня пальцем из проходящей машины и что-то говорил напарнику.

Молчание.

– Машина чёрная. Стёкла тонированные, но не очень сильно. – Я останавливаюсь, поражённый. – Эх!.. Я не догадался посмотреть номер.

– Я ещё раз приношу вам свои соболезнования. Вы сегодня схоронили жену. Поезжайте домой. Выпейте стакан водки и выпитесь хорошенько. У вас в доме тепло?

– Почему вы всё время задаёте какие-то... – смягчаю определение, как только могу. – Какие-то... Непонятные вопросы. Тепло ли, холодно...

– Послушайте меня. Сделайте так, как я говорю. И, пожалуйста, не нервничайте.

– Вам легко говорить: «Не нервничайте»! Прошло уже несколько суток, а вы всё не можете найти... Не можете выбрать из нас четырёх! – кричу я уже почти во весь голос.

– Не всё так просто, как вам кажется. Извините, у меня масса дел.

Он вешает трубку. Наискосок через дорогу краснеет вывеска «Трактир у Саныча». Водитель белой «Ауди» вякает своей сиреной, но мне на него наплевать. Вискарь у Саныча отвратительный, и я требую рюмку текиллы. Половой не успеваешь отвлечься, как мне уже нужна вторая. Третья задерживается лишь потому, что мне ни с того ни с сего приходит в голову сыграть в бильярд. Маркёр – девушка в белых лосинах – смотрит на меня с сомнением, и я делаю двойную ставку. Партия моя, но это совсем не радует, и я беру бутылку текиллы. Маленькую, для начала. От выпивки девушка отказывается, и я даю ей на чай, притворившись, что забыл о том, что уже делал это. Она берёт как ни в чём не бывало. Видимо, тоже забыла... В Венеции, насосавшись кьянти, я выиграл подряд около дюжины партий у разных людей. После каждого удара она смеялась и хлопала в ладоши. Она делала это так громко, так задорно, что один из подвыпивших посетителей подошёл и поинтересовался, сколько ей платят за это. К счастью, итальянского она не знала, и этот вопрос её не смутил. Думаю, что если бы знала, было бы то же самое. Так же смеялась и хлопала в ладоши она, когда мы в отеле разбросали выигранные

деньги по кровати, прежде чем завалиться в неё. У этих итальянцев такие крупные купюры... В евро я уже столько не выигрывал. И она уже так не смеялась.

– Может быть, вам вызвать такси? – человек трясёт меня за плечо.

– У вас есть номера?

Он делает смущённую гримасу.

– Как таковых нет. Но есть несколько комнат наверху на случай приезда друзей или родственников.

– Во. Сейчас именно такой случай. Отведи меня туда.

– Я должен спросить у хозяина.

Пока он делает это, я успеваю выпить ещё и снова заснуть.

– Какая тяжёлая личность!

– В-в-весомая! – поправляю я, приоткрыв глаза.

Он не справляется, и подоспевшая маркёрша помогает, подскочив с другого бока. У неё сильные руки и твёрдая, мускулистая спина.

– К-как... Тебя зовут?

– На мне написано.

Она наклоняется, и бейджик оказывается у меня перед глазами. От него пахнет грудью.

– Кира... Принеси ещё текиллы.

Она пружинисто вскакивает и бесшумно движется к двери.

– И лимон.

Комната наполнена светом ночника, от которого всё окрашено розовым – стены, мебель, лосины, свисающие с подлокотника, и Кира, сидящая рядом с ними в позе, недвусмысленно заявляющей о том, что всё уже было. Концентрирую внимание на себе, но моё тело ни о чём таком не вспоминает. Ладно. Денег должно хватать.

Она берёт второй стакан и садится на край кровати.

– Ты остаёшься до утра?

– А денег у меня хватит?

Она заливается смехом, так что текилла из её стакана плещет на одеяло. Не в силах остановить приступ хохота, ставит стакан на пол и обхватывает меня за шею.

– Хва... та-а-а... ет! – её волосы щекочут меня. – Ты молодец, – говорит она, наконец отдышавшись.

До меня доходит, и я тоже улыбаюсь. Что ж. Проверить платёжеспособность клиента – это, пожалуй, их право. В конце концов у них была возможность поступить и гораздо хуже.

У неё маленькая грудь – как раз такого размера, что удобно играть в бильярд. Когда она прижимается ко мне, я вспоминаю холодное колено Ирины и скисаю.

– Что случилось?

– Полежи рядом.

Она укладывается «по стойке смирно». Эти женщины хороши тем, что в точности выполняют, что от них просят. «Нет, я буду та-ак!» ... «Нет, я хочу вот та-ак!» ... «Ах, тебе ещё и не нравится?» ... «Не твоё дело, сколько я буду тут сидеть.» ... «Хоть до утра.» ... «Пока не попросишь прощения!» ... «Нет, не убирай деньги из кровати. Мне нравится слышать, как они при этом хрустят.» ... «Нет, это тебе должно нравиться.» ... «Нет.» ... «Нет!» ... «Нет!!!» ... Мне показалось, что, отодвинь я сейчас занавеску, – и увижу канал, окна палатки напротив и проплывающую гондолу.

Впрочем, сами мы во всём и виноваты. Кто просит нас без памяти любить вот это самое маленькое «нет»! Без памяти и без ума.

– Передай мне мобильник.

Зеркала, завешенные покрывалами, мятые листья от цветов, табуретки посреди гостиной... Зачем я сюда приехал?

В баре ещё стоит яшкин «Мартель». Наливаю стакан джина и сижу так в кресле, в пальто, со стаканом между колен. В передней улюлюкает телефон. Кто-нибудь ошибся. Джин обжигает, но не пьянит. Хочется наоборот. Наливаю «Мартель». В больших дозах он, кажется, не отличается от кизлярского. Снова телефон. Ну, и что вам надо? Молчание. Три часа ночи. Брошаю трубку. Этот аппарат подарил тесть на новоселье. Он фарфоровый. Значит, если бросить трубку посильнее... Опять. Так что вам в три часа понадобилось? Молчок... Хотя, есть какой-то шум. Ни фиги не разобрать. Радио, наверное. Кладу осторожно трубку. Залпом допиваю коньяк. Что это там белеет, на полу? Ого... Оказывается, спиртное всё-таки действует. Усаживаюсь посреди прихожей и приподнимаю пуфик. Сигарета. Интересно: откуда здесь сигарета? «Кент». В этом доме уже лет десять, как никто не курит. Последнюю выкурила, кажется, Ирка. Но она никогда не курила «Кент». Она курила такие... Тоненькие. «Вог». Вот, вспомнил название. А это?.. Меня не столько занимает этот вопрос, сколько лень подниматься с пола. Тут хорошо... Пристраиваюсь в угол, где стены удерживают меня в сидячем положении. Телефон... Хрен с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.